

ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ

Наиль Гаитбаев «Избранные произведения. Т.1. Исторические пьесы». –
Уфа : Китап, 2015. – 490с.

В книгу включены более десяти пьес, написанных в жанрах трагедии и драмы. Каждая из них имеет собственную тему и проблему, и объединены они вокруг одной общей идеи – служение народу, Родине ради их светлого будущего. По замыслу автора, выразителями такой идеи выступают как герои мифологических и фольклорных сюжетов, так и выдающиеся личности из среды башкир в разные времена. Они, благодаря проявленной ими самоотверженности, стали олицетворением патриотизма и гуманизма, примером для подражания многим поколениям.

Следует подчеркнуть, что писательский талант Н. Гаитбаева успел проявиться при создании ярко выраженных образов наших современников и соплеменников в ранее написанных семейно-бытовых драмах, сатирических и юмористических комедиях, трагикомедиях и др., в противоборстве различных жизненных позиций как отражение социально-исторических конфликтов, насыщенных актуальным содержанием и нравственно-этической проблемой.

Ныне художественный уровень пьес автора определяется новым качеством – трагико-героическим пафосом выражения идеи произведения. Что немаловажно, сценическое действие, обосновывается психологической мотивированностью дел и поступков персонажей, их индивидуализированной речью, в т. ч. яркими, метафоричными диалогами, афористическими монологами. Такие свойства, которых требуют драматические произведения, делают характеры действующих лиц в пьесах Н. Гаитбаева цельными, художественно убедительными, эмоционально действен-

ными, обогащают национальным колоритом.

Историческая тема в произведениях Н. Гаитбаева раскрывается сквозь призму проблем сегодняшнего дня, иначе говоря, тема прошлого приобретает современное звучание. В этом проявились своеобразие поэтики драматурга, оригинальность интерпретации им прошедшего. Автор ищет и находит новые средства и возможности для драматического оснащения и переработки жизненного (исторического) материала, нетрадиционного решения творческих задач. Их суть проявляется в том, что Н. Гаитбаев, находясь рядом со своими персонажами, становится участником исторического процесса. Таким образом, автор додумывает, домысливает образы исторических личностей, создает дополнительные условия в целях стимулирования действий героев в соответствующих обстоятельствах, не отдаленных от исторического времени. Например, пьеса «Урал-батыр», написанная по мотивам одноименного башкирского народного эпоса, полюбилась зрителям и ставилась в театрах неоднократно. Секрет успеха этого произведения в том, что легка ярких характеров, умение организовать интересные сюжетные ходы по законам театрального действия выгодно отличают пьесу «Урал-батыр» Н. Гаитбаева от инсценировок других авторов. Сохраняя основную идею произведения, в целях достижения сценической гибкости, автор умело интерпретировал всемирно известный эпос, дополняя его новыми элементами. В итоге театральное представление получилось философичным и нравоучительным, заставляет задуматься о смысле жизни, о добре и зле, о любви и верности, о

зависти и бескорыстии и, самое главное, о любви к Родине.

Интересную, в то же время незавидную логику развития трагизма судьбы сээна показывает Н. Гаитбаев в драме «Белые ночи и Акмулла». Нелегко складывается детство Мифтахетдина из-за разногласий с родным отцом; позднее, восемнадцатилетнего парня презирают односельчане за его остросатирические куплеты; тридцатилетнего Акмуллу сажают в тюрьму за стихи в защиту бедных и обездоленных, а шестидесятичетырехлетнего убивают за стихи, разоблачающие двуличие мулл и баев, за воспевание справедливости и равноправия. Мы видим, как мужает и крепнет с годами характер Акмуллы и его творчество, как его стихи становятся оружием борьбы за счастье народа. Перед нами возникает яркий образ великого поэта, защитника бедных, патриота своей Родины, сильного и мужественного человека. Драма «Белые ночи и Акмулла» основана на документальных фактах. В этом произведении мастерски переплетаются театральная условность, историчность и реализм. Некоторые герои пьесы являются историческими (Мифтахетдин, Исянгилде, Сафа), остальные – плод фантазии автора.

Произведение о поэте не может быть без стихов. Интересно, что не каждые рубаи, кубаиры и стихотворения принадлежат перу великого сээна. Многие из них, удачно вплетенные в канву пьесы, написаны самим Наилем Гаитбаевым, и, надо отметить, они полностью соответствуют стилю и философскому взгляду Акмуллы.

В книгу включены две пьесы об известном поэте и государственном деятеле Шайхзаде Бабиче. Автор, используя документальные факты из жизни Бабича – мобилизация солдат для башкирского войска, борьба за автономию Башкортостана, освобождение башкирских воинов от красного террора, – основное внимание уделил поэтическому и импровизаторскому дару поэта, показу его характера и артистического таланта.

В пьесах Ш. Бабич – веселый, неунывающий оптимист, певец и виртуозный музыкант. Но, в то же время, Бабич никогда не забывал свою основную миссию – защита своего народа, завоевание для него автономии, т. е. духовной и физической свободы. Пьесы заставляют задуматься о

счастье и трагедии выдающихся личностей, о том, что они ради высоких идеалов, ради своего народа, ради Родины идут на оправданные жертвы: готовы сломать свою судьбу и пойти на смерть. Пьесы пронизаны острым чувством патриотизма, самоотверженности и самопожертвования.

На психологических коллизиях основано действие в трагедии «Ночь». В ней показаны напряженные переживания по поводу творчества, судьбы народа и страны известных башкирских писателей Хадии Давлетшиной и Рами Гарипова, которых жестко подавляла авторитарная система. Здесь вымысел соседствует с действительностью, как явь и сон, как правда и ложь. Противоположности переплетены и подчас меняются местами неожиданно и незаметно, при этом усиливая идею пьесы, делая ее доступной и яркой.

Пьеса «Лети, моя чайка, лети!» написана как версия судьбы Иисуса Христа (айса пайгамбар), только перенесена на жизнь чаек.

В пьесе, посвященной детству Салавата Юлаева, «Салавату 6 лет» конфликт выстроен между творческим началом и мужественностью. Способность Салавата сочинять стихи проявились с малых лет, а смелость и характер батыра у него воспитывались с возрастом. Это очень трогательное, реальное и замечательное произведение о мальчике с нежной душой и храбрым сердцем. Пьеса учит маленьких читателей доброте, честности и бесстрашию.

Благодаря указанным свойствам, главные действующие лица в исторических пьесах Н. Гаитбаева обретают в глазах читателей и зрителей конкретные черты, и по творческой установке и фантазии автора становятся сборниками добра, гуманизма и справедливости. Через них автор затрагивает важные аспекты человеческого существования, будь это политика в глобальном масштабе, народная или современная культура, философия бытия и т. д. и т. п. Исторические пьесы Н. Гаитбаева направлены на сегодняшний день, они помогают легче и лучше понять многие проблемы, которые окружают нас.

В произведениях, включенных в книгу Н. Гаитбаева, состоящей из исторических пьес, события, люди, их судьбы, историко-социальные мотивы, захватывающие сюжетные перипетии, авторская фанта-

зия, монтажная композиция, народный дух, элементы театральности-сценической условности составляют комплекс тех образительно-выразительных средств, которые нашли своё воплощение в структуре каждой пьесы. Все это дает основание зрителю делать собственные выводы по просмотренному спектаклю, пережить настоящих катарсис.

Драматургия Н. Гаитбаева актуальна, востребована, пьесы автора ставились в течение последних десятилетий во мно-

гих театрах республики и за её пределами. Удачно складывается «театральная» жизнь исторических пьес автора, об этом свидетельствуют многочисленные призы в различных конкурсах и положительные отзывы на них в СМИ. Художественно-эстетические достоинства произведений в рецензируемой книге, как культурная и социальная значимость творчества их создателя, не вызывает сомнений.

Риф Ахмадиев

ЭТО СКУЧНОЕ СЛОВО «СВОБОДА»

Франзен Джонатан. Свобода : роман. М. : Астрель, 2012.

Пока этот маленький отклик на большой роман готовился к печати, в свет вышел русский перевод очередного большого романа большого американского писателя Джонатана Франзена «Безгрешность». Придется сказать и о нем, но пусть дождется очереди.

Итак, Джонатан Франзен после двух романов, появившихся в нулевых и десятых, признан новым классиком американской литературы, считается мастером семейной саги, дотошным исследователем переплетений человеческих судеб, блестящим вивисектором проблем отцов и детей и мужей и жен. Так коротко можно пере-сказать рекомендательные письма американских и русских критиков, сведенных на обложках русского издания романа «Свобода». Я читал этот огромный труд долго, терпеливо и внимательно и удостоверился, что это, действительно, огромный труд. Человек упорно трудился, пересказывая историю семьи в ее связи с окружением. От Льва Николаевича есть семейная история и шизоидная педантичность, мелочность, дробление скалы жизни с перетирианием в песок. «Война и мир» включена в роман – эпопею Толстого читает героиня по совету мужа, и муж завидует ей, впервые открывшей великую книгу. Но Франзен взял у Толстого то, что взял. Никаких великих идей, потрясающих permanently умы толстовских персонажей, здесь нет и в помине. При том что время, о котором повествуется, – переломное для Америки – до и после 11 сентября 2001-го. Но удивительно – и отцы и дети, и бабушки с дедушками живут в одной психологической парадигме. Все

великие события происходят где-то на окраинах их бытия, а у них крутится все та же старая пластинка американской семьи, слышанная мной много раз из книг американских писателей других поколений, еще больше – из американских фильмов. В Америке, судя по ее литературе, проблема отцов и детей стоит острее, чем в России. Отец не приходит на самый важный бейсбольный матч сына, мать – на столь же важную баскетбольную игру дочери. Дети мучаются родительским игнором их школьной бейсбольно-баскетбольной активности всю оставшуюся жизнь; родители всю оставшуюся так и не понимают, чего эти дети мучаются, – а дети тем временем, став родителями, тоже не посещают спортзалы своих отпрысков, продолжая крутить ту же пластинку, совершенно точно зная, что в их идущей наперекосяк жизни виноваты их родители, когда-то не пришедшие на самый главный матч их ребенка. Таков Великий порочный американский круг.

Хотя... Есть подозрение, что большинству американцев такой фигурой, как невякка отца на школьный матч, жизни не испортить, – просто наиболее впечатлительные, значит, застревающие, после такой травмы становятся писателями.

Конечно, это всего лишь дружеский шарж на американскую литературу.

И, тем не менее, писатель Франзен вообще описал очень стандартную семью Америки, очень знакомую по другим писателям. Америка Франзена, несмотря на

жанре тысячелетие, все так же, как и сто лет назад, набожна и пуританска (разрешите уж), все участники драмы под названием «Свобода» ищут эту свободу, вернее, смутно догадываются, что где-то она есть – свобода от унылых семейных путей, мечтают на протяжении многих лет о том несостоявшемся сексе с другом мужа, который мог бы стать мужем, если бы не любил своего друга больше девушки (в хорошем смысле, речь о мужской дружбе, о которой поется в нашей замечательной песне «А если случится, что он влюблен, а я на его пути...»), а потом четверть века той унылой совместной жизни муж всегда будет думать, что она не хочет его, потому что хочет друга, и так все случится, и муж порвет и с женой и с другом, уйдет с головой в борьбу за права певчих птиц против их убийц – домашних кошек, между прочим, не аборигенов Северной Америки, а выходцев из Старого Света (иносказание о правах индейцев, что ли? – вопрошаю я, любящий искать подтексты и аллегории, и никак таковые у автора не находящий). Кстати, злободневность Франзена видна даже иностранному глазу – эти яркие нагрудники для кошек, чтобы не могли охотиться на птиц, эти бронжилеты, которые протыкались пальцем, – бронжилеты от вице-президента Чейни – были мне известны из прессы тех времен, а Франзен взял их и раздал своим героям, нисколько не аранжировав ситуацию, не сделав литературой. Как таковой литературы в романе, на мой взгляд, нет, – весь массив вдруг рассыпается в руках в труху, как старое осиное гнездо, и один только камушек остается в пальцах – ошутимо твердый, – сцена, когда шесть лет спустя блудная жена возвращается к полубезумевшему мужу и старательно замерзает у него на пороге, заставляя спасти ее, а значит, понять и простить. И наступает хэппи-энд, когда стареющие – уже климатерические муж и жена, наконец, зажили счастливо. Радость за них, выплывшая у меня, как у путника, пересекшего пустыню без глотка воды – одна ночная роса на камнях – и увидевшего маленький оазис, сменилась раздумьями: и ради этого глотка эмоции я пересек пустыню? А они, герои, – свою жизнь? Жизнь эта, благодаря отсутствию в ней великого или хоть немного драматичного, – уместается в рассказ, но Франзен умудрился исполнить его в

жанре длинного содержания (в отличие от модного ныне краткого пересказа) – И чем дальше сопоставляешь финал и долгий путь к нему, путь, уставленный скучными персонажами без характеров, просто функций от координаты в поле авторского замысла, да еще функций не гладких, а кусочных (трудно удержаться от алгебры в подобной гармонии), – тем меньше остается от литературной эмоции, тем больше прибывает смеха от полной аналогии с тем анекдотом про двух ковбоев, которые зря коровье дерьмо ели. Правда, если эти ковбои – автор и читатель, аналогия не верна, здесь все не так смешно: автор таки не ел, а накладывал, и получил за это отнюдь не доллар.

Не могу не вернуться к Льву Николаевичу, с которого делает свою литературу Франзен. Нет в прозе Франзена величия идей толстовских героев. Персонажи американского романа мучаются не от желания убить Наполеона, а всю жизнь лелеют юношескую (девичью) мечту – переспать с женой друга (другом мужа). И если уж сравнивать «Свободу» с каким-либо романом Толстого, то ближе стоит не упомянутая Франзенем «Война и мир», но «Анна Каренина». Тот же треугольник – муж-жена-любовник, – только франзеновская героиня не гибнет под колесами неумолимой как паровоз, судьбы, – она возвращается к мужу (такому же порядочному, а потому скучному и асексуальному, как Каренин), и в этой мелкой бытовой – пусть и растянувшейся на всю жизнь – коллизии заключено отличие Франзена от Толстого. Толстовская Анна отдает за любовь к обыкновенному мужчине все – семью, сына, мнение света, наконец, жизнь. Толстой – на стороне Каренина, он не любит женскую эмоциональность, он и в себе всю свою долгую жизнь каленым железом выжигает собственные, как ему кажется, прихоти, – борется с малейшими признаками стремления к личной свободе. Помните его дневниковые – чуть ли не ежедневные – обещания не кричать на слуг, не играть в карты, не иметь крестьянок, – и покаяния на следующей странице – кричал, играл, имел? Анна, по сути, – это сам Толстой, – как Эмма Бовари – Флорбер. И Каренин – тоже Толстой, но его лучшая часть, которая воплощает закон и порядок, тогда как Анна – стремление к свободе от обязательств

перед инстинктами общества. Недаром Толстой в конце жизни оставляет семью и умирает на железнодорожной станции, – есть в этом божественная ирония – Творца над творцом.

Толстой в своих романах пишет о невозможности свободы, о человеке, созданном Богом для служения общему, а стремление к освобождению от обязанностей есть искушение диавола со всеми вытекающими. У Франзена же персонажи просто живут в данном им несвободном мире, мечтая о мелких степенях свободы – как ребенок под родительской опекой мечтает о запретном мороженом, тайком съедает его и простужается, поскольку был тороплив в поглощении, и тем оказывается наказан.

Кстати, в романе Франзена есть проходной эпизод: главную героиню в юности изнасиловал сын «политических партнеров» ее родителей, и родители посоветова-

ли дочери просто забыть это и постараться избегать подобных случаев в будущем. Так вот этот эпизод по внутреннему драматизму перевешивает весь клубок якобы запутанных отношений персонажей романа «Свобода». Эпизод этот, может, и не толстовский, скорее – достоевский, – и, я думаю, именно он мог стать сюжетообразующим. Но потом я думаю, что таковым он мог стать у русского писателя, и не мог – у американского. Наверное, – думаю я, – для американца это никакая не трагедия, а норма – или одна из норм.

В заключение закольцуем композицию – вернемся к началу, где упоминается новый роман Джонатана Франзена.

Так вот: «Безгрешность» я читать не хочу. И не буду. Потому что свобода моего выбора таки лучше, чем его, выбора, несвобода.

Игорь Фролов

ДЕНИС ЛУЖЕНСКИЙ, ДЕНИС ЛАПИЦКИЙ

«ТЕНИ ШАТТЕНБУРГА»

Издательство «АСТ», Москва, 2016, серия «Легенды героев и магии»

Аннотация издательства:

«...Затерянный среди гор и лесов городок Шаттенбург далёк от потрясений большого мира. Это настоящий медвежий угол на задворках Саксонии. Кажется, кроме ежегодной осенней ярмарки, здесь никогда ничего не происходит... Но это только кажется.

Когда в окрестностях города неожиданно погибает несколько детей, напуганные жители взывают о помощи. И вот в Шаттенбург одновременно прибывают имперский посланник и монах-инквизитор – каждый со своей миссией. Поначалу их больше заботит лояльность горожан к императору и чистота веры, но скоро они понимают, что столкнулись с чем-то, далеко выходящим за рамки обыденности...»

Роман «Тени Шаттенбурга», написанный в соавторстве московским (Денис Луженский) и уфимским (Денис Лапицкий) авторами, создан на стыке фэнтези и мистического триллера.

Время действия – первая треть XV века. Место – восток нынешней Германии. Действующие лица... Лощеный барон и алчущий славы инквизитор. Простодушный послушник и жестокий наемник. Верный телохранитель и наследник древнего рода. Трусоватый бургомистр и ведомый метью юноша. Купец-сквальга и пронырливый мальчуган. Гость из чужого мира и священник, предавшийся тьме. Баронесса-затворница и рыцарь, ее поклонник... Все они встретились случайно. Но когда в город пришел неведомый ужас, их судьбы сплетутся в тугой узел, и изменятся навсегда.

«Авторы воссоздали атмосферу Европы XV века с ее социальными, политическими и религиозными конфликтами. На мощном историческом фоне – закрученный мистический детектив...»

В мае 2016-го книга получила премию «Рукопись года» (2-е место).

